

ЗАРЯ ВОСТОКА

Битва за сырьё. Великая война в сердце Евразии. 1917–1920 / сост., пер. с нем., вступит. ст. и коммент. Л.В. Ланника. — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2025. — 388 с.

НОВЫЙ, 22-й, выпуск серии книг "Эпоха войн и революций", составленный доктором исторических наук Леонтием Владимировичем Ланником, посвящён событиям в азиатской части Российской империи и в ряде сопредельных регионов. Это исследовательское направление малоизвестно рядовому читателю, как правило, ограничившему своё восприятие темы фильмом "Белое солнце пустыни" или подзабытыми советскими истернами, снятыми на республиканских киностудиях. А ведь без понимания того, что происходило на азиатской периферии, как и без понимания европейского и в целом общемирового контекста, Гражданскую войну не осмыслить.

В предисловии Ланник отмечает необходимость преодоления многолетней фрагментации исследований темы "Гражданская война в России".

К сожалению, в последние десятилетия мы видим лишь усиление научного мелкотемья (в том числе в духе модной "истории повседневности", антропологической истории и прочего). Неужели проще пересчитать пуговицы на всех военных мундирах или описать рацион отдельных частей, чем соединить геополитические сдвиги мирового масштаба в Европе, Азии и России в единую картину?

Ланник — один из очень немногих современных (во всех смыслах этого слова) российских историков, пытающихся в своей профессиональной деятельности сблизить несколько "в разной степени развитых в прошлом и настоящем, как в России, так и в зарубежных странах направлений исследований: истории военного плена, проблематики "интернационалистов", истории инфраструктуры и технического обеспечения тотальной войны, истории воздействия Великой войны на регионы, находившиеся (якобы) далеко за пределами её основных театров военных действий, но настолько ею затронутых, что всякие сомнения в мировом характере противостояния 1914–1918 годов ...отпадают". Импонирует и то, что в историческом анализе Леонтий Владимирович уделяет пристальное внимание источникам личного происхождения. В идеале именно так системно должны заниматься исследованиями не отдельные энтузиасты, а коллективы учёных и архивистов. Как верно отметил в разговоре мой коллега: "Один Леонтий по совокупности им сделанного (монографии, переводы, публикации документов и проч.) способен заменить научный центр".

В КНИГЕ "Битва за сырьё" представлены переведённые Ланником на русский язык тексты воспоминаний Рудольфа Кёстенбергера (1895–1965) и Герберта Фоль-

ка (1894–1944), оказавшихся в период Первой мировой войны в русском плену, а затем принявших участие в боевых действиях Гражданской войны. Сотрудничество немцев со своими недавними противниками объясняется тем, что "только большевиков можно было считать сравнительно лояльным к Центральным державам режимом на неоккупированных территориях бывшей Российской империи, что делало содействие им прямым долгом сохранявших верность присяге военнослужащих из стран германской коалиции".

Соглашусь с тем, что мотивы "отчаянной схватки военнопленных за свою жизнь в глубине Евразии" могли быть разными. Они сражались (в том числе под красным знаменем) "за возможность отомстить мучителям, за шанс на новый поворот в карьере и просто в рамках авантюрного расчёта на безграничные возможности повлиять на исторические события так, как это едва ли возможно где-нибудь за пределами распавшейся Российской империи". Немало таких авантюристов сгинуло в безымянных могилах. Вернувшись на родину стремились отразексировать приобретённый опыт в книгах, балансируя "между приключенческим романом, travelогом и окопной прозой". Оценки авторов в отношении России, русских, большевизма и прочего часто "плакаты" и носят следы политических веяний (в том числе, если их автору, подобно Кёстенбергеру, пришлось послужить большевикам), но описания цветисты и искренни:

"В Старом Самарканде 165 мечетей, а также высшие богословские школы, училища, где преподают право и арабскую грамматику... Ощущение было такое, словно попал на несколько веков назад. Узкие, кривые улочки... бесчисленные торговые лавки, одна за другой. Особенным своеобразием отличались могилы святых, которые здесь устраивают прямо посреди улицы, без надгробий и имён, так что их можно опознать только по укреплённому на шесте конскому хвосту" (Кёстенбергер);

"Из свойственного войне настроения, формируемого пребыванием в сдавленных серой землёй окопах, мы вдруг перенеслись в эти современные сказки "Тысячи и одной ночи". Этот Кавказ был столь же убедителен, как и действительность войны, столь таинственен, как прекрасное театральное представление, финал которого пока неясен. Теперь уж не знали, кто мы на этой пёстрой военной сцене — действующие лица или зрители, а вокруг Германии по-прежнему грохотали великие битвы" (Фольк).

И всё же, читая эти тексты, не следует забывать о том, что:

*Не поймёт и не заметит
Гордый взор иноплеменный...*

Участие авторов "в русских делах" было вынужденным, дав им обширный материал для последующих рассказов "у камина" и тех сочинений, которые теперь впервые может прочесть и оценить российский читатель.

Александр РЕПНИКОВ

В ПЕТАЕ ВРЕМЕНИ

Селезнёв Дмитрий. Смерть в июле и всегда в Донецке : рассказы. — Москва : АСТ ; Издательский дом "Ленинград". — 2025. — 480 с. — (серия Время Z)

АВТОРУ книги "Смерть в июле и всегда в Донецке" повезло: его рекламируют премьер-министр Армении Никол Пашинян и пресс-секретарь МЖД России Мария Захарова. Первый без объяснения не пустил корреспондента издания "ВарГонзо" Дмитрия Селезнёва в свою страну, вторая осудила это решение, а российский посол в Ереване Сергей Копыркин запросил информацию о причинах столь недоброжелательного отношения.

Если столь солидный пиар поможет быстрее продать книгу и выпустить новый тираж — будет замечательно. Про бои на бывшем юго-востоке Украины рассказывали и ещё расскажут многие, но пока только Дмитрий создал настоящую энциклопедию сражающегося Донбасса. Не краткую и не сухой справочник.

Вместе с автором читатель спускается в окопы, перебегает под обстрелом, встречает множество странных, обаятельных и порой опасных людей, находит и теряет друзей... А также понимает, почему репортажи с позиций "Вагнера" и батальонов армейского резерва БАРС делать проще, чем из обычных воинских частей. Узнаёт, в какое кафе стоит сходить, а где даже жареная картошка — сырая. Жалеет смертельно раненого пони, которого приходится добить. Доказывает повзвизывая его росвардейцам, что он свой. И спешно набирает во все канистры и бутылки воду — её завтра отключат.

Даже обстрелянному фронтовому журналисту написать такое трудно, однако Селезнёв не только военкор, причём опытный — кроме Донбасса ездил в Южную Осетию и Карабах (на репортажи оттуда сдавший республику Пашинян и обиделся). Он ещё бывший шахтёр, трудившийся в забоях родной Игли, значит, почти одной крови с донецкими углекопами. И сверх того, человек начитанный, писавший статьи о кино и особенно ценящий жизнь на грани небытия. "Смерть в июле и всегда в Донецке" — его третья книга. Вторая — "Беспокоящий огонь" — сборник военных репортажей. Первая совсем неожиданная: "Восемь оправданий Луи-Фердинанда Селина" — биография знаменитого французского писателя — нигилиста и мизантропа.

Членство в партии другого экстремала литературы — Эдуарда Лимонова — тоже не случайно, а ДНР и ЛНР Дмитрий уже на первых страницах сравнивает с городом Фiume (ныне хорватская Риека), каким тот был столетие назад. Вскоре после окончания Первой мировой войны власть там захватил и удерживал больше года ещё один литератор того же типа — итальянский поэт и военный лётчик Габриеле д'Аннунцио, провозгласивший Фiume республикой красоты. На практике слегка безумной: бюджет республики пополнялся за счёт пиратства, в магазинах свободно продавался кокаин, а в Конституции значилось обязательное музыкальное образование.

Хватает безумия и в Донбассе — даже теперь, когда волыница первых лет почти закончилась. Осетинский командир с позывным "Русский" ("все мы сейчас русские") щеголяет в бронжилете, подтяжках и с кинжалом в покрытых серебром ножнах. Мимомётчик Рэба рассекает по позициям летом в меховой шапке и наушниках. Заснувший на капоте грузовика боец Раллист просыпается и видит в пяти сантиметрах от своего лица кошмарнейшую року:

"Рот и нос приплюснуты, но как будто сливается со ртом, ноздри дырками в обе стороны, в пергаментных пятнах таких, как у прожжённого, и всё лицо в шерсти, в шерстинках, как будто его обвалили в курином пухе, даже и лицом это и

назвать нельзя. А ещё два больших, с детский кулачок, тёмных и мутных, как неизвестная планета, выпуклых глаза по бокам, которые под густыми совиными бровями смотрят как будто в разные стороны, а кажется, что прямо в тебя впились и всего тебя высасывают".

Раллист уже ощутил себя на том свете, но жуткая хляп ушла в сторону на длинной шее, морок спал, и оказалось, что задремавшего бойца внимательно изучал страус. Товарищи разъяснили: рядом с позициями расположено поместье удравшего украинского генерала, который обзавёлся целым зоопарком. Звери разбежались и выжидают, как могут, а бизон стал буйствовать, его застрелили и съели.

ПРОЙ АВТОРУ представляется, что в Донбассе порвалась петля времени. Лопнула, и посыпались из дыры в XXI век обросшие плотно тени былых времён. Боицы — "красноармейцы" обеих мировых войн, белогвардейцы, казаки, анархисты, бандеровцы с петлюровцами...

Иногда их образы причудливо преломляются через популярные фильмы. Вот беседуют о чём-то, передавая друг другу кальян, горец с орлиным профилем в мультикаме и плосколицый раскосый бурят в камуфляже "мох". Их лица столь выделяются среди окружающих, что кажется: на помощь нашим сошли с экранов Чужой и Хищник. А кто же тогда враги с их сугубо славянской внешностью? Скорее всего, замёрзшие в Антарктиде Нечто. Моностр, который может принимать форму кого угодно, включая тебя самого.

Перемешались времена и в методах войны. Вот танки и артиллерия бьют как в Великую Отечественную. Вот носятся над полем боя стай дронов, о которых ещё не так давно писали только фантасты. И тут же "абхазское метро". Бойцы бригады "Пятнашка" под командованием сухумского добровольца Ахры Авидзбы подвели под вражеские укрепления тоннель длиной 169 метров в четырёхметровой глубине и взорвали их. Так ещё царь Иван Васильевич Казань брал...

Завершается книга почти мистически: проплёт по небу — уже не в человеческом образе — селезнёвского товарища по фронту и партии Ростислава Журавлёва, убитого украинским касетным снарядом в Запорожской области.

"Пропап, погиб друг мой Ростик в маковых полях войны. Упал, забылся смертным сном... И в этом сне Ростик преображается. Он открывает глаза, встаёт из гроба, его румяное и бородатое лицо улыбается. Ростик становится большим, огромным, он раздувается как облако, отрывается от земли и летит.

Летит над землёй Журавлёв — облако в солдатских штанах. Распластались под ним зелёные квадраты перепачканных железом, прожжённых окурками зелёных полей. Ползут внизу змейки траншей, плывут разрушенные дома и посёлки, тянутся ровные линии ободранных лесопосадок. Идут на земле бои, курятся чёрные дымки, рвётся, как бумага, железо, бойцы падают, оседают, роняют автоматы. И распукаются внизу каплями алой крови, русской крови, маки.

Летит Журавлёв, хохочет. А-ха-ха-ха! Угу-у! Ага-а! О-ох! Рычат танки, бахают пушки, свистят снаряды, плюютцы огнём дым. Стреляют "Грады", "Смерчи", "Ураганы" — всё ему ничтожём.

Летит Журавлёв над Донбассом, улетает от нас в страну печальных холмов и сумрачной юдоли. А здесь война продолжается. Вы спросите, когда она закончится? Ответу: никогда. Никогда эта война не закончится".

Всё именно так и есть. И если сейчас огонь прекратится, то лишь до поры до времени. Бывшие жители уничтоженной хорватами Республики Сербская Краина и того же Карабаха подтвердят.

Юрий НЕРЕСОВ

Варуфакис Янис. Технофеодализм. Что убило капитализм. — М. : Ад Маргинем Пресс, 2025. — 304 с.

ВСОВРЕМЕННОЙ футурологии конкурируют два направления: реализм и фантазияность. К первой категории можно отнести "Футурологический конгресс" Станислава Лема, "1984" Джорджа Оруэлла и весь киберпанк от "Нейроманта" до "Периферийных устройств" Уильяма Гибсона. Ко второй — по-прежнему популярную фантастику, в которой мы или упорно пытаемся разглядеть знаки грядущего (например, Жак Аттали — "На пороге нового тысячелетия" и "Краткая история будущего"), или разгадать катрены климатических истерик. Рассматриваемая книга — из числа последних. В ней много интересного, там правда смешана с вымыслом, социальное с экономическим, технологичное — с экологическим, оптимизм — с алармизмом.

Начнём с конца.

временный найм, у остального — нет будущего!

РАЗБЕРЁМСЯ. Экономический анализ Варуфакиса интересен — он старается донести основы политэкономии до самых что ни на есть безграмотных (это про меня), но за туманом терминов скрывает простую картину: потребителям "облачный капитал" выгоден. Итак, "цифровой лендлорд" создаёт торговую площадку в киберпространстве, куда приглашает производителей, озабоченных сбытом. Такой маркграф устанавливает плату за предоставление возможности торговать, и эта плата для производителя бывает высока, зато цена товара для потребителя — иногда очень даже наоборот. Что здесь смущает греческого экономиста настолько, что Сеть он сравнивает с Лабиринтом, в центре которого нас поджидает Минотавр, чтобы нами полакомиться?

Во-первых, вложения в роскошь не создают расширения производства (только цифры летают по проводам). Во-вторых, использование "денег из будущего", которые, по сло-

Илона Маска. Да, мы "периферийные устройства", но в организме всегда так: голова, два уха и т. п.

ВАРУФАКИСА пугает единственное: он не может контролировать процесс — современные алгоритмы нейронных сетей не столько сложны, сколько неведомы. Нас это должно пугать? Ничуть — нам с алгоритмами детей не крестить. Программы интересуются только человеком-потребителем, а самое интересное о нас узнать через "бигдату" крайне сложно, ибо непонятно, как там всё устроено. По мелочам, конечно, шустристь можно, но это не путь джедая: лучше уж чистое недеяние.

В "облачном бизнесе" для нас приготовлены только удобства: мы, например, не ловим руками такси уже давно, и плочут от этого только таксисты. Вам их жалко? Мне — нет. Я помню "трушных" извозчиков времён застоя: социализм превращал каждого из них в торговую площадку, где по ночам можно было купить водку с конской наенкой.

Простите, но проблема изготовления массовых товаров тоже не ка-

ОБЛАЧНЫЙ КРАЙ

Оптимистическая вера в благодать промышленного капитализма (двигатель прогресса) и конкуренции, с одной стороны, и необоснованная боязнь феодальных отношений и ренты — с другой, преследуют автора от корки до корки. Янис Варуфакис панически боится сословия рантье, причисляя к нему сегодня творцов "облачного капитала". Он уверяет, что капитализм умер под натиском "технофеодализма", а это плохо, поскольку деньги не инвестируются в производство, а вкладываются в роскошь и/или в тот или иной источник пассивного дохода (ренту). "Облачный край" таким образом наделяется чертами классического феода с суровым лендлордом во главе. Последний устанавливает размер пошлин (оброка), определяет трудовую повинность (барщину), но сам при этом (о чём Варуфакис забывает сказать) освобождает податное сословие от самостоятельной защиты своих экономических интересов и берёт эту битву на себя. Да, это феодализм в чистом виде. Минусы будут? Варуфакис видит их в отсутствии создания и развития больших промышленных зон, где трудовой человек может неторопливо и достойно зарабатывать себе и на хлеб, и на вино, и на приличный дом.

Вот только эпоха "Рабочего" Эрнста Юнгера кончилась, а вместе с ней канул в Лету и сам "рабочий": пролетариат умер — да здравствует прекариат. Отныне только сезонные работы и кратко-

вам Варуфакиса, воруют нынешние инвесторы и подобные им махинаторы. Наверное, грек прав, спорить не стану, но техносфера здесь ни при чём. Она — сама по себе, финансовые пирамиды — сами по себе ("МММ" не даст соврать). Взболтать, но не смешивать!

В-третьих, нас он жалеет, поскольку условный Илон Маск изучает наши потребности в своих интересах, торгуя ими, т. е., получается, использует нас. Но и это полбеды: настоящая беда, согласно Варуфакису, в том, что наши потребности сначала изучаются, а потом исподволь формируются. А что, когда-то было по-другому? Или обидно греку левых взглядов, что формировать мнение будут не комиссары, а алгоритмы, которые — о святой Маркс! — сложны и непрозрачны настолько, что контролировать их невозможно? Пожалуй.

В-четвёртых, марксист из Эллады утверждает, что нас такое (бесплатное для владельца алгоритма) использование делает рабами ЭВМ (или, по-русски, компьютера). Экономист боится хайтека!

Мы же по-прежнему сильнее опасаемся любимых соседей, чем устройств. Мы росли на "Сумме технологий" упомянутого Лема, мы (а наши детикратно больше) твёрдо знаем, что кибернетика — не лженаука, а технология, построенная на обратных связях. Таким образом, нас можно называть датчиками во взаимодействии с компьютером, но никак не рабами, бесплатно работающими на условного

жется мне важной настолько, чтобы я вдруг начал бороться за капиталиста. Он просто умрёт вместе с массовым производством, а мы попадём в рай. Мы достойно отпоём покойника — он сделал много хорошего вопреки себе, — но тут ничего не напишешь: уже сегодня 3D-принтеры ставят под сомнение промышленное производство, а гипотетическая наносборка преобразует и современную энергетику. Останется сплошь "зелёная" и капризная, но, как отреагировал француз-консьерж на жалобу моей приятельницы о том, что в квартире холодно: "Зима, мадемуазель, а зимой всегда холодно".

Что предлагает Варуфакис, который боится феодализма?

Грек на словах жалеет о том, что человек лишается дома, корней, любой "недвижки", короче, всего, что делает данного высшего примата оседлым, т. е. способным ежедневно ходить на ближайший завод. Думаем, марксист допускает в своём светлом будущем собственность? Нет, только ленное право, которого может лишиться не созерцен, но всеобщее и тайное голосование граждан, решающих, как будущий лишенец должен жить. По сути, это замаскированная феодальная норма, однако просто отнять у вассала лен созерцен не мог — раньше должен быть издан закон. А собрание граждан — как конфетку у ребёнка! — заберёт у тебя дом, если соседям ты покажешься сомнительным.

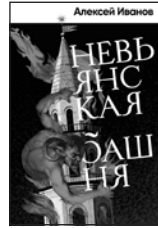
Так кто же Минотавр в данной книге?

Евгений МАЛИКОВ

УРАЛЬСКИЕ КОДЫ

Иванов Алексей. Невьянская башня : роман. — М. : Альпина, 2025. — 430 с.

НОВЫЙ роман маэстро прозаической формы Алексея Иванова "Невьянская башня" стал подарком для любителей необычных исторических произведений.

С самого начала книга захватывает переплетением ключевых для автора тем: мифологии Урала как отдельной цивилизации и драмы становления российской промышленности, в которой показан вечный конфликт человека со стихиями — как природными, так и душевными. Уникальная "пермистика" не просто подчёркивает связь автора с малой родиной, но и придаёт повествованию эпическую масштабность. Мир в романе — мрачный и многогранный, где действие, разворачивающееся в 1735 году, неожиданно сплетается с вечными вопросами о цене прогресса. Для читателя, ещё не знакомого с творческой манерой Алексея Иванова, текст станет увлекательным путешествием — и в географию Урала, и в языковой мир его жителей, богатый архаизмами.

В центре всего повествования — Акинфий Демидов, одержимый заводским делом. На протяжении романа он сталкивается с чередой суровых испытаний: семейными скандалами, доходящими до братоубийства, конфликтом с давящей махиной государственной власти в лице Бирона и Татищева и, наконец, с атакой из потустороннего мира — демона огня, парализующего сердце его империи, Невьянский завод, и хотевшего "вернуться в огонь с добычей, будто волк, что мчится в свою глухомань с убитым зайцем в зубах".

Радует то, что Алексей Иванов продолжает свой "Уральский цикл" ("Золотой бунт", "Сердце Пармы", "Тобол"). Если "Сердце Пармы" было эпосом о встрече древней языческой культуры и государства, то "Невьянская башня" становится философским исследованием всего, что было заложено в предыдущих книгах о "людях дела".

Ключевым образом здесь становится реальное архитектурное чудо — Невьянская наклонная башня, построенная по приказу Акинфия Демидова в XVIII веке и по сей день стоящая в городе Невьянске Свердловской области.

И, как мне кажется, главным героем оказывается даже не сам Акинфий Демидов, а именно этот Невьянский завод — бездушный механизм, работающий по законам причины и следствия, и в то же время — живой, дышащий зверь, созданный из железа, дерева и огня. "Божий мир — бесконечная машина. Её счастье — работать".

Для Иванова, которого современная критика по праву называет "главным географом" русской литературы, конкретная территория — всегда точка сборки истории, легенд и смыслов. Он виртуозно использует свой фирменный метод, отталкиваясь от точной географической и исторической привязки, чтобы затем дать волю художественному исследованию духа места.

Хотя в реальных преданиях о Невьянской башне огненного демона нет (местный фольклор богат другими сюжетами — о подземных ходах, тайной чеканке монет и загадочном колоколе), Иванов сознательно вводит эту фигуру. Огненный чёрт становится генетичной аллегорией самой сути рода Демидовых. Их состоятельность и могущество, буквально рождённые в горне и выплавлявшиеся из металла, неотделимы от стихии огня. Персонаж оказывается не сказочным украшением, а метафорой, высвечивающей плавильную, дьявольски тяжёлую природу их труда и власти, в которой переплелись гений, жестокость и магия первопроходцев.

НА УДИВЛЕНИЕ, последние прочитанные мной романы писателя, такие как "Псоглавцы" и "Веgetация", вызвали у меня ощущение присутствия раннего пелевинского слога. Так и тут протекает параллель между работами обоих авторов. Если Пелевин в "Омон Ра" или "Чапаеве и Пустоте" исследовал природу советской и постсоветской реальности как конструкта, склеенного из мифов и идеологем, то Иванов продлевает же сам самое с реальностью имперской, индустриальной. Его Урал — это не обыкновенное географическое пространство, а сложный семиотический код, который нужно уметь прочитать. Противопоставление Демидовым "подлинного" дела — "фальшивой" бюрократической России, где "всё на ушко, всё с подмазочкой", где "гребут под себя взятки, звания, вотчины", — это та же пелевинская оппозиция "подлинного" и "симулятивного", но перенесённая в XVIII век. Демидов для Иванова — такой же одинокий демуург, пытающийся построить свой идеальный мир в пустоте, как и многие пелевинские герои, с той лишь разницей, что материалом для Иванова служит не дискурс, а плоть истории — лес, руда и человеческие судьбы.

"Невьянская башня" — однозначно интересный и грамотно написанный роман, чей кинематографический потенциал очевиден. Автор проделал колоссальную работу, чтобы его историческая и мистическая стороны звучали убедительно и мощно, — создав книгу, которая надолго остаётся в сознании.

Степан БИРЮКОВ